

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
1. ТОМ ПАЛМЕР	
ЗАЧЕМ БЫТЬ ЛИБЕРТАРИАНЦЕМ?	9
Быть может, мы дали согласие на принуждение?	12
Что значит <i>быть</i> либертарианцем?	16
Скептицизм относительно силы и власти.	17
Свобода, процветание и порядок	19
Итак... Почему надо быть либертарианцем?	22
2. ДЖОН СТОССЕЛ	
<i>НЕ НУЖНО ПРИНИМАТЬ ЗАКОН</i>	25
3. КЛАРК РУПЕР	
ЛИБЕРТАРИАНСТВО КАК РАДИКАЛЬНЫЙ ЦЕНТРИЗМ	31
4. ТОМ ПАЛМЕР	
ИСТОРИЯ И СТРУКТУРА ЛИБЕРТАРИАНСКОЙ ТЕОРИИ	41
Либертарианство, понятое исторически	42
Либертарианство, понятое концептуально: либертарианская тренога	53
Права личности	55
Стихийный порядок	58
Конституционно ограниченное правительство	60
Свобода, порядок, справедливость, мир и процветание	62
5. ДЖЕЙМС ПАДИЛЬОНИ	
«ВРЕМЕНА, ОНИ МЕНЯЮТСЯ»: ЛИБЕРТАРИАНСТВО КАК АБОЛИЦИОНИЗМ	65

6. АЛЕКСАНДР МАККОБИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП СВОБОДЫ	75
Политический принцип свободы	78
Оправдания свободы	79
Один принцип, разная социально-экономическая политика	82
Различие между политикой и этикой	83
Заключение	88

7. САРА СКВАЙР

НЕТ СВОБОДЫ — НЕТ ИСКУССТВА, НЕТ ИСКУССТВА — НЕТ СВОБОДЫ	91
---	----

8. РОСС ПАУЭЛЛ

СКРОМНОСТЬ КАК АРГУМЕНТ В ПОЛЬЗУ СВОБОДЫ	103
--	-----

9. ОЛУМАЙОВА ОКЕДИРАН

АФРИКАНСКОЕ ОБЕТОВАНИЕ СВОБОДЫ	117
--	-----

10. СЛОУН ФРОСТ

СЛОЖНАЯ ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА: ЗДРАВООХРАНЕНИЕ	129
Государственное вмешательство не «регулирование»	132
Здравоохранение в США	135

11. ЛОДЕ КОССАР, МАРТЕН ВЕГЕ

КАК МЫ ПОЗНАЕМ? ЗНАНИЕ И ПРЕЗУМПЦИЯ СВОБОДЫ	149
Рыночные институты: обмен и цена	153
Политические институты	158
Верховенство права	162
Заключение	166

12. ТОМ ПАЛМЕР

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВИТЕЛЬСТВА	169
---	-----

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ	181
ГЛОССАРИЙ ИМЕН	203
УКАЗАТЕЛЬ	211

Предисловие

Политика, несомненно, важная часть человеческой жизни. Во всяком случае, это одна из наиболее горячо обсуждаемых тем. Большинство людей спорит о политике с большим энтузиазмом, чем о чем бы то ни было, не потому, что политика по своей сути намного интересней, чем искусство, спорт, химия, кино, архитектура или медицина, а потому, что дело здесь идет о власти над другими людьми.

Чтобы навязать им какое-нибудь решение, надо, вероятно, чтобы большинство из них оказалось в этом заинтересованным. Если вы не хотите, чтобы другие — неважно, партия, политик или правительство, — принуждали вас что-то делать, вы, вероятно, этому сопротивляетесь. То же самое происходит, если вы хотите заставить других выполнять ваши требования.

Если бы мы всегда коллективно выбирали, что нам есть, и были бы обречены всегда получать то, что уже получил любой другой, еда обсуждалась бы так же горячо, как и политика. Представьте себе гневные дебаты, коалиции, уловки и интриги между гурманами — приверженцами домашней кухни и фанатами фастфуда, вегетарианцами и любителями мяса, бодибилдерами и теми, кто худеет, — если бы наш выбор был ограничен одинаковой едой и одинаковыми порциями. То же самое можно сказать и о других важных для человека вещах.

Идеи, представленные в настоящей книге, дают иное понимание политики: политики не силы, но убеждения, поли-

* На полях под чертой указано начало страницы по английскому оригиналу. См. Указатель.

тики, следующей принципу «живи и дай жить другим», политики, отрицающей как подчинение, так и превосходство. Статьи по большей части написаны молодыми людьми — членами организации «Студенты за свободу» — весьма активного и динамичного международного движения. Эти эссе не отражают какой-либо узкой национальной точки зрения, они обращены к широкой сфере человеческого опыта. Они предлагают введение в философию, которой живет большинство людей и которая составляет основу нашей повседневной жизни. Данная философия ходит по миру под разными именами, включая «либерализм», «классический либерализм» (чтобы отличить его от того, что называется «либерализмом» в Америке¹) и «либертарианство». Это подход одновременно простой и сложный, потому что подразумевает понимание того, что *простые правила* могут породить *сложные порядки*. Таков один из наиболее важных уроков современной социальной науки. Порядок может возникать стихийно — вот тема, которая исследуется в этих эссе особенно обстоятельно.

Эта небольшая книга — приглашение по-новому поразмышлять о важных проблемах. Она и для маститых ученых, и для тех, кто обращается к этим вопросам впервые. Надеюсь, обе группы — как и все, кто находится между ними, — извлекут из данных эссе пользу. Их можно читать в любом порядке, и никакая глава не требует, чтобы была прочитана другая. Читатель может погрузиться в книгу, не читая ее целиком. Читайте, что это пакет вкусной и здоровой пищи для ума. И наслаждайтесь.

Том Палмер
Вильнюс, Литва
3 июня 2013 г.

ТОМ ПАЛМЕР

Зачем быть либертарианцем?

В книге, озаглавленной «Зачем нужна свобода», дается глубокое и одновременно простое объяснение того, что такое либертарианство и почему люди избирают свободу как принцип социального порядка.

Можно почти со стопроцентной гарантией сказать, что в течение своей жизни вы ведете себя как либертарианец. Вы можете спросить, что означает «действовать как либертарианец». Это не сложно. Вы не бьете других, когда вам не нравится их поведение. Вы не отбираете у них их вещи. Вы не пытаетесь с помощью лжи принудить их к тому, чтобы они позволили вам забрать их имущество, вы их не обманываете и не даете им «со знанием дела» советов, из-за которых их жизнь идет прахом. Вы просто не такой человек.

Вы уважаете других. Вы уважаете их права. Иногда вам, может быть, хочется дать кому-нибудь пощечину за то, что тот сказал нечто по-настоящему оскорбительное, но ваша рассудительность берет верх, и вы уходите или отвечаете на слова словами. Вы цивилизованный человек.

Поздравляем. Вы усвоили основные принципы либертарианства. Вы живете своей жизнью и осуществляете вашу собственную свободу, уважая свободу и права других. Вы ведете себя как либертарианец.

Либертарианцы верят в принцип добровольности, а не в силу. И скорее всего, общаясь с людьми, вы следуете именно этому принципу.

Но постойте! Разве не является либертарианство *политической философией*, системой идей о правительстве и социально-экономической политике? Является. Тогда почему оно базируется на образе действий индивидуумов, а не на образе действий *правительства*? Вот! В этом главное различие между либертарианством и любым другим пониманием политики. Либертарианцы не думают, будто правительство сверхъестественно. Оно состоит из людей. Точно таких же, как мы. Особой расы людей — называйте их королями, императорами, колдунами, магами, президентами, законодателями или премьер-министрами, — обладающих сверхнормальным интеллектом, мудростью или способностями, которые поднимают их над нормальными людьми, не существует. Правители, даже демократически выбранные, заботятся об интересах общества не в большей — а иногда и в гораздо меньшей — степени, чем обычные люди. Не очевидно, что они сколько-нибудь менее эгоистичны, чем другие, или сколько-нибудь более благонамеренны. Как не очевидно и то, что их в большей степени, чем обычных людей, интересуется справедливость или несправедливость. Они такие же, как мы.

Но опять стойте! Политические правители в *самом деле* обладают властью, которой нет у других людей. Они обладают властью арестовывать, начинать войны и убивать, а также издавать декреты о том, что могут и чего не могут читать другие люди, могут ли и когда они могут молиться Богу, на ком они могут жениться, что они могут, а чего не могут есть, пить или курить, что они могут или чего не могут делать, чтобы заработать себе на жизнь, где они могут жить, где они должны ходить в школу, могут ли они путешествовать, какие товары и услуги они могут производить для других и какие цены могут назначать, и о многом другом. Они действительно обладают властью, которой нет у остальных.

Совершенно верно. В руках правителей сила, и они ее применяют, что само собой разумеется, — это и отличает государство от других институтов. Но их способности восприятия, понимания или предвидения не превосходят наших, как и не являются более высокими или более строгими, чем обычные, их нормы справедливости или несправедливости. Некоторые из правителей могут обладать более острым умом, чем средний человек, другие, возможно, даже менее умны, чем средний человек, но нет оснований полагать, что они на самом деле превосходят остальное человечество в чем-то таком, из-за чего должны считаться как бы возвышающимися над нами нашими естественными вождями.

Почему же они применяют силу, в то время как остальные, когда имеют дело с другими людьми, пола-

гаются на добрую волю и убеждение? Обладатели политической власти не ангелы и не боги, так почему же они претендуют на то, что уполномочены осуществлять власть, на право осуществления которой не стал претендовать ни один из нас? Почему мы должны покоряться применяемой ими силе? Если у меня нет права врываться в ваш дом, чтобы диктовать вам, что́ вы должны есть, или что́ вы должны курить, или когда вы должны ложиться спать или с кем, почему политик или чиновник, или армейский генерал, или король, или правитель должны иметь на это право?

**Быть может, мы дали согласие
на принуждение?**

Но ведь именно мы и есть правительство, не так ли? По крайней мере, при демократии — как утверждают некоторые умные философы вроде Жана Жака Руссо, — что бы ни говорило нам правительство делать или не делать, мы с этим согласны. Правительство воплощает «общую волю» народа, и это означает, что оно есть осуществление нашей собственной воли. Таким образом, когда правительство применяет против нас силу, оно всего лишь принуждает нас быть свободными, заставляя нас следовать нашей собственной воле, а не тому, что, как мы иногда думаем, нам хочется. Как уверял Руссо в книге «Об общественном договоре», оказавшей огромное влияние на общественно-политическую мысль, «общая воля неизменно направлена прямо к одной цели и стремится всегда к пользе общества, но из этого не следует, что решения народа

имеют всегда такое же верное направление... Часто существует немалое различие между волею всех [т.е. тем, что хотят индивидуумы] и общею волею»².

В своей теории Руссо соединил силу со свободой, поскольку утверждал, что «если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным»³. В конце концов, вы не знаете, чего вы действительно хотите, пока государство не решит, чего вы хотите, поэтому, когда вы думаете, что хотите что-то сделать, но полиция останавливает вас и заключает в тюрьму, вас делают свободным. Думая, что вам хочется не подчиняться государству, вы были введены в заблуждение, и полиция просто помогает вам выбрать то, что вы хотели на самом деле, но вы были слишком тупы, невежественны, глупы или слабы, чтобы знать, что́ вам хочется.

Может быть, это рассуждение кажется слишком метафизическим, тогда давайте вернемся немного назад и поразмыслим над тем, что утверждают защитники принципа подчинения меньшинства большинству. Так или иначе, через выборы или другие процедуры, мы производим «волю народа», даже если некоторые люди могут быть несогласны (по крайней мере, те, кто лишен права голоса, не были согласны с большинством). Эти люди будут вынуждены соглашаться с большинством — не употребляя, скажем, алкоголя или марихуаны или отдавая свои деньги на оплату вещей, которых они не приемлют, таких как войны

или субсидирование влиятельных экономических интересов. Большинство голосовало за закон, запрещающий X или требующий Y , или за кандидатов, которые обещают запретить X или потребовать Y , и, значит, теперь мы знаем «волю народа». И если кое-кто все еще пьет пиво или курит марихуану или скрывает свои доходы, он так или иначе не следует воле народа, в отношении которой дал согласие. Давайте раскроем это чуть подробнее.

Допустим, что закон о запрете вошел в силу и что вы голосовали за запретительный закон или за соответствующего кандидата. Вам скажут, что вы дали согласие на то, чтобы принятый закон вас ограничивал. А если вы голосовали против запретительного закона или за соответствующего кандидата? Тогда вам могут сказать, что вы принимали участие в процедуре, в результате которой данное решение было принято, значит, вы дали согласие на то, чтобы принятый закон вас ограничивал. А если вы не голосовали и у вас даже нет мнения на этот счет? Тогда скажут, что вы вообще не можете теперь жаловаться, поскольку вы лишились вашего шанса повлиять на результат посредством голосования! Как уже давно заметил относительно подобной аргументации английский либертарианец Герберт Спенсер, это «забавный вывод: как бы он ни действовал, а все-таки выходит, что он дал свое согласие; согласие это считается данным и тогда, когда он сказал “да”, и тогда, когда он сказал “нет”, и тогда, когда он остался вовсе нейтральным. Весьма неловко придуманное учение»⁴. Действительно, неуклюжая

доктрина. Если вы всегда «согласны», безотносительно к тому, что вы на самом деле говорите или делаете, тогда термин «согласный» не имеет смысла, потому что означает «не-согласный» точно так же, как и «согласный». В таком случае слово оказывается пустым.

Действительность же такова, что человек, которого арестовывают за курение марихуаны в его собственном доме, ни в малейшей степени не «согласен» быть арестованным. Вот почему полиция носит дубинки и оружие — чтобы угрожать людям применением силы.

Но, может быть, люди передали право на арест правительству, ведь если они могут предпочесть не курить марихуану, то могут предпочесть и арестовывать самих себя? Однако если у вас нет права выламывать дверь ваших соседей и врываться к ним с оружием, чтобы вытащить их наружу и поместить в тюрьму, как вы можете передать это право кому-нибудь еще? Таким образом, мы вновь сталкиваемся с невероятным утверждением, будто ваши соседи, курящие наркотик, санкционировали свой собственный арест, безотносительно к тому, какое мнение они высказывали или как они себя вели.

Но, может быть, уже одно то, что вы живете в стране, означает, что вы согласны на все, что требует от вас правительство. Ведь, в конце концов, если вы приходите ко мне домой, то вы согласны быть ограниченным моими законами. Но «страна» совершенно не похожа на «мой дом». Я владею моим домом, но я не «владею» моей страной. Она состоит из многих людей,

имеющих собственные идеи о том, как им жить. И эти люди мне не принадлежат. В действительности это самое важное для взрослого человека — прийти к пониманию того, что *другие люди мне не принадлежат*. У них своя собственная жизнь. Вы, как взрослый человек, понимаете это и ведете себя соответствующим образом. Вы не врываетесь в дома других, чтобы сказать им, как жить. Вы не крадете их имущество, когда думаете, что можете лучше им распорядиться. Вы не нападаете на них, не бьете их, не вонзаете в них нож и не стреляете, когда они не согласны с вами, даже если дело идет о вещах огромной важности.

Таким образом, если вы уже *действуете* как либертарианец, возможно, вы должны *быть* им.

Что значит *быть* либертарианцем?

Это значит не только воздерживаться от нарушения прав других людей, т.е. признавать законы справедливости относительно других людей, но и стараться мысленно понять, что́ значит для людей иметь права, как права создают основу для мирного общественного сотрудничества и как функционируют добровольные общества. Это значит отстаивать не только собственную свободу, но и свободу других. Один великий бразильский мыслитель посвятил свою жизнь борьбе за отмену величайшего из нарушений свободы — рабства. Его звали Жуаким Набуко, и он сформулировал кредо либертарианца, которому следовал всю жизнь: «Воспитывайте своих детей, воспитывайте самих себя в любви к свободе других, ибо только в этом случае

ваша собственная свобода не будет бесплатным подарком судьбы. Вы будете осознавать ее ценность и полны отваги ее защищать»⁵.

Быть либертарианцем — значит заботиться о правах каждого. Это значит признавать права других, даже когда их действия или слова кажутся нам неприятными. Это значит воздерживаться от использования силы и вместо этого добиваться своей цели — будь то личное счастье, или улучшение положения человечества, или познание, или все такое прочее либо что-либо еще — *исключительно* посредством добровольной и мирной деятельности, неважно, в «капиталистическом» мире свободного предпринимательства и обмена или в науке, филантропии, искусстве, любви, дружбе либо в сфере любых других человеческих устремлений, ограниченных законами добровольного сотрудничества.

Скептицизм

относительно силы и власти

Быть либертарианцем — значит понимать, что права защищены, только когда ограничена власть. Права требуют верховенства права. Базовые принципы современного мира в значительной мере сформулированы английским радикальным философом и общественным деятелем Джоном Локком. Он выступал против сторонников «абсолютизма», полагавших, что правители должны обладать неограниченными полномочиями. Те, кто защищал абсолютную власть, презрительно заявляли, что предоставление людям «свободы»

приведет к тому, что каждый просто станет делать все что «захочет», т.е. то, что он склонен делать, подчиняясь капризу и не обращая внимания на последствия или на права других.

Локк отвечал, что то, к чему стремится партия свободы, — это свобода «человека располагать и распоряжаться по своему усмотрению своей личностью, своими действиями, владениями и всей своей собственностью в рамках тех законов, которым он подчиняется, и, таким образом, не подвергаться деспотической воле другого, а свободно следовать своей воле»⁶. Человек имеет право делать все, что он хочет, с тем, что является его собственностью, — свободно следовать своей воле, а не приказам других людей, — до тех пор, пока он уважает права других.

Философ Микаэль Хюмер находит обоснование либертарианства в том, что он называет «здоровым смыслом нравственности», который состоит из трех элементов: «принцип неагрессивности», который запрещает индивидуумам совершать нападения, убийства, воровство или обманывать друг друга; «признание принудительной природы правительства... которое держится благодаря постоянной угрозе применения физического принуждения в отношении тех, кто не пожелал бы подчиняться государству»; «скептицизм политической власти... согласно которому государство не может делать того, что было бы несправедливым для любого негосударственного служащего или негосударственной организации»⁷. Как замечает автор, «именно идея власти составляет настоящий ключевой момент

полемики между либертарианцами и представителями других школ политической философии»⁸.

Свобода, процветание и порядок

Быть либертарианцем — значит понимать, как создается богатство: не политиками, отдающими приказы, а свободными людьми, которые вместе трудятся, изобретают, производят, сохраняют, вкладывают деньги, покупают и продают, — и все это на основе уважения собственности, т.е. прав других. «Собственность» не сводится только к «моему имуществу», как иногда толкуется этот термин сегодня, но включает в себе права на «жизнь, свободу и имущество», используя известное выражение Локка⁹. По словам Джеймса Мэдисона, главного автора американской Конституции, «если утверждается, что человек имеет право на свою собственность, то точно так же можно сказать, что он имеет собственность на свои права»¹⁰.

Для мирного и эффективного сотрудничества малых групп могут быть достаточными любовь и привязанность, но либертарианцы понимают, что этого недостаточно для обеспечения мира и сотрудничества в больших группах, где люди непосредственно не взаимодействуют. Либертарианцы верят в верховенство права, имея в виду правила, которые применимы к каждому и которые не изменяются или улучшаются тем или иным образом, в зависимости от предпочтений людей, обладающих властью. Правила свободных обществ разработаны не для того, чтобы принести пользу тому или иному человеку либо той или

иной группе; они обеспечивают права каждого человеческого существа, независимо от пола, цвета кожи, языка, религии, семьи или других случайных черт.

Правила собственности принадлежат к самым важным основаниям добровольного сотрудничества между незнакомыми людьми. Собственность — это не только то, что можно держать в руках; это сложные отношения прав и обязанностей, благодаря которым незнакомые друг с другом люди могут вести свои дела; это то, что позволяет им мирно жить, объединяться в фирмы и ассоциации и торговать для взаимной выгоды, потому что они знают критерий — что мое и что твое, — исходя из которого каждый может действовать таким образом, чтобы улучшить свое положение. Хорошо определенные, законодательно гарантированные и допускающие передачу права собственности образуют основание для добровольного сотрудничества, повсеместного процветания, прогресса и мира¹¹. Собственность охватывает не только вещи, которые можно держать в руках, или то, на чем можно стоять, но и доли в сложных коммерческих предприятиях, производящих все те вещи, производство которых требует сотрудничества тысяч и тысяч людей, будь то лекарства, или самолет, или ананасы, поставляемые на ваш стол зимой.

Профессор права, либертарианец Ричард Эпстейн назвал одну из своих лучших книг «Простые правила для сложного мира» («Simple Rules for a Complex World»)¹². Заголовок прекрасно схватывает тему: для порождения сложных форм порядка сложные правила

не нужны. Достаточно простых правил. На самом деле возникновению порядка способствуют простые, понятные и устойчивые правила, в то время как сложные, непонятые и изменчивые правила порождают хаос.

Четко определенные собственность и право торговать на взаимно устраивающих условиях делают возможным масштабное сотрудничество без принуждения. В свободных рынках больше (а не меньше) порядка и предвидения, чем в обществах, где правят принуждение или деспотизм. Стихийный порядок рынка намного абстрактней, сложней и дальновидней, чем все когда-либо разработанные пятилетние планы или любое экономическое вмешательство. Такие институты, как цены, возникающие, когда люди свободно совершают обмен, содействуют наиболее прибыльному использованию ресурсов, и для этого не нужно принудительной силы бюрократии¹³. Принудительно навязываемое «планирование», по сути, является противоположностью планирования; это нарушение непрерывного процесса плановой координации, встроенного в свободно эволюционирующие общественные институты.

Порядок возникает стихийно в свободном взаимодействии людей, которым гарантировано обладание правами. Это касается не только экономического порядка, но и языка, общественных нравов, обычаев, науки и даже таких областей, как мода и стиль. Использовать силу в попытке подчинить какие-либо или все из этих сфер деспотической воле правителя, диктатора, президента, комитета, законодательного органа

или бюрократии — значит заменить порядок хаосом, свободу — силой и гармонию — враждой.

Либертарианцы верят в возможность и работают ради создания мирного общества, в котором признаются и уважаются права каждого уникального человека, общества, в котором всеобщее процветание порождается свободным сотрудничеством, основанным на системе законов, защищающих права и содействующих взаимовыгодному обмену. Либертарианцы верят в ограничение власти и выступают за это ограничение, за подчинение некогда деспотической власти верховенству права, за ограничение и сведение к минимуму любого рода жестокости. Либертарианцы верят в свободу и отстаивают свободу любого человека мыслить, работать и вести себя так, как хочется, при условии, что он признает такую же свободу других. Либертарианцы верят в такой мир и делают все ради такого мира, в котором каждый человек свободен в стремлении к собственному счастью, в котором не требуется чьего-либо еще разрешения на то, чтобы быть, действовать, жить.

Итак... Почему надо быть либертарианцем?

Почему надо быть либертарианцем? Может, это звучит несерьезно, но разумный ответ: «А почему не надо?» Поскольку бремя доказательства лежит на том, кто обвиняет другого в преступлении, а не на том, кого обвиняют, то бремя доказательства лежит и на том, кто хотел бы воспрепятствовать свободе друго-

го человека, а не на том, кто желает свободу осуществить. Тот, кому хочется спеть песню или испечь торт, не должен начинать с того, чтобы испрашивать у всех людей в мире разрешение на то, чтобы ему позволили попеть или попечь. Никто не должен стараться опровергнуть все возможные возражения против пения или занятия выпечкой. Если кому-нибудь запрещают петь или печь, то тот, кто пытается это запретить, должен представить вескую причину, по которой это не может быть позволено. Бремя доказательства лежит на том, кто запрещает. И его аргументы, может быть, будут встречены с пониманием — если, например, предполагается, что пение будет столь громким, что другим из-за него невозможно будет уснуть, а процесс выпечки вызовет так много искр, что могут загореться дома соседей. Это были бы веские причины для запрещения петь или печь. Тем не менее презумпция существует для свободы, а не для использования силы с целью ограничить свободу.

Либертарианец — это тот, кто верит в презумпцию свободы. И с этой простой презумпцией, если она реализована на практике, наступает мир, в котором разные люди могут по-своему осуществлять свои собственные формы счастья, мир, в котором люди могут свободно и ко взаимной выгоде торговать и в котором разногласия разрешаются с помощью слов, а не с помощью дубинок. Может быть, это несовершенный мир, но это мир, стоящий того, чтобы за него бороться.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru